

В отличие от многих других режиссеров, Франсуа Озон принуждает своих героев Марион и Жиль (Валерия Бруни-Тедески и Стефан Фрейсс) к сексу не до брака, а после развода

жени себя обратно

Газета — 2004-8 дек. — с. 15

в прокат выходит новый фильм Франсуа Озона «5x2»

ИГОРЬ ПОТАПОВ

Реверсивная хроника событий нынче в моде. Вот даже в соседней Украине сначала подсчитывают голоса по второму туру президентских выборов, а потом собираются этот второй тур проводить. Франсуа Озон снял фильм, главной приманкой которого является как раз обратный отсчет — от распада отношений между мужчиной и женщиной к многообещающему началу.

Новый фильм Озона и названием, и структурой напоминает арифметическую задачу. Дано: энное количество лет неудачного супружества двух среднестатистических французов, его зовут Жиль (Стефан Фрейсс), ее — Марион (Валерия Бруни-Тедески). Требуется: сконцентрировать это время в пяти эпизодах, расставленных в обратном порядке, — от бракоразводных формальностей, через измены и зависть, рождение ребенка и первую брачную ночь — к расслабленному курортному знакомству. В сухом остатке получаем непонятный квадратный корень: то ли анализ отношений двух героев, то ли глобальный и неутешительный диагноз институту семьи в целом.

Такое построение картины радикальным образом облегчает жизнь зрителя — и так понятно, чем у них там все закончится, так что можно расслабиться и получать удовольствие от режиссерского и актерского мастерства. Оба актера великолепно лавируют от одного этапа супружеских взаимоотношений к другому, нанизывая на череду «зарисовок с натурой» филигранные изменения в поведении, характерах и внешности своих персонажей. Причем в случае Жили эти перемены достаточно легко считываются по прицельным штрихам вроде новой прически или неряшливой бороды (надо

полагать, ее он отпустил как раз перед разводом, чтобы отметить начало новой жизни), а вот с Марион все гораздо сложнее и тоньше — тем больше хочется поаплодировать актерским способностям Валерии Бруни-Тедески, которая за полтора часа экранного времени проживает трансформацию от беззаботной иscatterяницы летних приключений до уставшей, посеревшей и даже слегка расплывшей после родов матери семейства.

Отдельное развлечение — наблюдать за многочисленными деталями, намекающими на то, что этот брак с самого начала был приговорен к деградации и распаду. Сцена развода поражает своей будничностью и отсутствием эмоций — ни любви, ни ненависти. Как будто не родные люди расстаются, а партнеры-учредители давно обанкротившейся фирмы выплачивают последние проценты по взятому невесте когда кредиту. Даже вороватый послеразводный секс в номере отеля не выглядит ни последней вспышкой угасшей страсти, ни безумной попыткой начать отношения с чистого листа — такой же неинтересный ритуал, как подпись под нотариальным свидетельством о разводе. Дань непонятной французской традиции, что ли? Сцена из периода полураспада обволакивает тягостной атмосферой: супруги приглашают на ужин брата Жили, гомосексуалиста,

с его молоденьким другом, и в их присутствии начинают сыпать всевозможными откровениями из желания то ли шокировать гостей, то ли побольше уязвить себя.

Сцена рождения первенца близка к трагифарсу. Терзаемый непонятными страхами (или врожденной застенчивостью) Жиль пропускает роды, пока Марион сходит с ума от одиночества. Тут публика получает возможность познакомиться с ее родителями, карикатурными взбалмошными пенсионерами, для которых даже появление на свет внука — всего лишь очередной повод вывалить друг на друга порцию чепуховых оскорблений. Сцена свадьбы представляет собой уже комедию в чистом виде — пьяный жених засыпает на брачном ложе, а невеста в кустах отдается залетному американскому жеребцу. Наконец, знакомство героев на итальянском курорте обставлено по всем законам мелодрамы: мужик приехал отдыхать в обществе одной дамы, но купаться в лазурных водах Адриатики предпочитает с другой.

Даже при таком разнообразии тем и приемов интерес к жизни Жили и Марион возникает исключительно исследовательский. Их совместное существование лишено всяческой привлекательности, а его этапы преодолеваются на автопилоте, с пометкой «так положено». На фоне этого медленного дрейфа гораздо симпатичнее смотрятся те самые гомосексуальные друзья семьи из эпизода номер два, которые наслаждаются мгновением, здраво предполагая, что их союз, скорее всего, не продлится вечно. Контраст настолько разительный, что кажется, будто Озон своей картиной вывешивает безрадостную табличку: «Институт семьи закрыт на переучет. Навсегда».

Франсуа Озон

8.12.04